

ИНТЕРВЬЮ С ИННОВАТОРОМ

Разговор, которого не было

Евгений Алексеевич Савелёнок — старший научный сотрудник Института менеджмента инноваций, кандидат экономических наук

От автора: *Когда некоторое время назад сотрудники редакции журнала «Инициативы XXI века» обратились ко мне с просьбой написать материал о состоянии инновационного сектора экономики России, мне сразу привиделась наукообразная статья, лучше с цифрами, диаграммами и таблицами. Однако чем ближе становился срок сдачи материала, тем более мне не хотелось писать такую статью. Во-первых, не хотелось повторяться (таких статей хватает), во-вторых, и это главное, — возникло желание поведать с читательской аудиторией журнала неформальный разговор о живом, «наболевшем». Так и родилась идея написания статьи в форме интервью, данного некоторому условному Корреспонденту основным субъектом инновационной деятельности, которого я (также условно) назвал Инноватором.*

Уважаемый господин Инноватор, в нашем интервью мне бы хотелось затронуть самые актуальные и интересные для нашего читателя темы из области развития инноваций в современной России. Кому, как не вам, знать, что в сфере инноваций актуально, значимо, а что не очень. Поэтому первый вопрос — что сейчас самое главное для развития инноваций в России?

Знаете, я отвечу просто. Для инноватора во все времена и при всех обстоятельствах важно, во-первых, чтобы у него была возможность творить, во-вторых, чтобы при этом как-то так получалось, чтобы не впустую. То есть чтобы результат его творений доставался людям.

Что же касается развития инноваций, в России инновации всегда появлялись натужно. Почему возник КЕПС[1]? Первая мировая война, и выяснилось, что нет ни пороха своего достаточно, ни химии, ни оптики. Почему в 1918 г. в России были созданы 200 НИИ? Потому что строительство нового общества, мировая революция. Мощное развитие инженерного образования и наук в 30-е гг. — модернизация страны, готовились к войне. Ракеты, космос, наука мирового уровня после войны — противостояние чуть не со всем миром, особенно в 40–50-е гг., когда все очень серьезно было. То есть для появления инноваций всегда нужен некий толчок. Инновации — это почти всегда реакция на какой-то вызов, угрозу.

А сейчас для России есть угроза?

Угрозы есть всегда. Вопрос в том, насколько они осознанны именно как угрозы. Любой подкованный школьник накидает вам сразу несколько направлений, по которым есть или могут быть угрозы. Экология, болезни, терроризм — это все

может быть серьезным вызовом. В современной России, похоже, начался процесс осознания угроз. Но идет он не быстро. Во многом потому, что вызовы неочевидны для населения и для значительной части властной элиты. Степень их осознания, говоря простым языком, страх перед ними — недостаточны для того, чтобы начинать кардинально что-то менять.

Какая из угроз стоит на первом месте?

Из всех угроз, которыми мотивируется сейчас необходимость инновационного пути развития, чаще всего в программных документах называется угроза неконкурентоспособности российской экономики. Инновации призваны помочь эту ситуацию исправить.

Несколько странно. Конкуренция, как учит нас классическая теория инноваций, как раз является мощным фактором и стимулом для развития этих самых инноваций, а у нас вроде как наоборот — нам необходимо волевым решением объявлять курс на инновации, обосновывая это необходимостью быть конкурентоспособными.

Понимаете, классически у нас не вышло. И никогда в обозримом прошлом не выходило. Я, признаться, не очень знаком с теорией Шумпеттера. Но если я правильно понимаю, в роли инноватора у него выступает прежде всего предприниматель, сам хозяйствующий субъект. При этом инновации понимаются как некий способ нового соединения известных факторов для получения конкурентных преимуществ. Знаете, я с трудом нахожу аналогию между этим типом предпринимателя-инноватора и, например, физиком-ядерщиком, работающим в «ящике». Или с венчурным капиталистом из Силиконовой долины, который, будучи далеко уже не студенческого возраста, идет и слушает лекции в университете по выбранной области науки. Наверное, здесь мы говорим о разных типах инновационной деятельности. Первый — деятельность шумпеттеровского предпринимателя, при которой инновации появляются как результат хозяйственной деятельности небесталанного субъекта в условиях конкуренции и для конкуренции. Второй — организованная деятельность институтов и коллективов людей, в рамках которой инновации являются результатом намеренной концентрации воли и ресурсов на отдельных направлениях научно-технического прогресса. Наверное, и оценивать эти типы инновационной деятельности следует по разным шкалам. Встраивание новшеств в экономику, их коммерциализация, то есть производство собственно инноваций в строгом смысле слова, как раз лучше удается частному бизнесу в условиях конкуренции довольно большого числа субъектов. Но большие инновационные прорывы никогда не делали предприниматели. Частный инновационный бизнес играет свою роль — поддерживает в обществе градус инновационности, генерирует идеи, готовит кадры. Умные правительства это понимают, стимулируют и используют этот гумус при подготовке больших проектов. Большие проекты, инновационные прорывы всегда основывались на политической воле и концентрации ресурсов, главным образом государственных, на теснейшей кооперации власти, науки и бизнеса.

Возвращаясь к России, какая же у нас связь инноваций и конкуренции? Что для нас сейчас, условно говоря, первично? Этот вопрос, мне кажется, важен с точки зрения выбора инструментов и методов развития инноваций в России.

Первичны инновации. И вот почему. С текущей конкуренцией по подавляющему большинству направлений НТП нам не совладать. С точки зрения экономики, то есть с позиций конвертации существующих в мире институций, рынков и технологических цепочек (включая научно-технический потенциал основных игроков — государств и ТНК) в деньги, мы в глубоком проигрыше. Мы по большому счету не являемся участниками этих процессов, в крайнем случае — как интеллектуальный офшор или, того хуже, — как источник сырья. В высокие технологии нас попросту не пустят. И не потому, что они такие плохие парни (а признаться, хороших, в смысле бескорыстных, там не держат), а просто в силу того, что эти институции, рынки и цепочки уже сложились и никто по доброй воле ничего здесь менять не будет. Динамика процессов стала жестче. Пока мы будем делать то, что другие худо-бедно уже делают, а до этого — это придумывать, разрабатывать, тот, кто это уже делает, уйдет далеко вперед. Нам необходим инструмент отмены, «снятия» текущей конкуренции. И инновации потенциально являются таким инструментом. Смысл и назначение инноваций в конкурентной борьбе заключаются как раз в том, чтобы в этой борьбе не участвовать. Победить, не сражаясь. И здесь, даже если бы у нас уже был свой мощный слой частных предпринимателей-инноваторов, этого было бы недостаточно (а мощного слоя и нет). Предпринимательские инновации, как правило, «вшиты» в конкуренцию, они внутри конкуренции. За немногим исключением, предприниматели производят так называемые поддерживающие инновации. Задача же инновационного прорыва, прорывных инноваций — создать совершенно новое изделие, продукт, технологию, у которых нет прямых аналогов и которые создают новый рынок, новый продукт для миллионов людей, новую технологию, дающую невиданные ранее возможности. Это выход за грани существующих параметров конкуренции, отмена ее, «снятие», выражаясь языком философии. Вот, например, атомные технологии. Кто первый их разработал, технологизировал — тот до сих пор, условно говоря, вне конкуренции (да, по характеру это, скорее, политическая и военная конкуренция, но ведь это та же экономика, только другими средствами). Реальные соперники в мире — это восемь-девять стран, чтобы нам ни говорили про свободу конкуренции и всяких разных «тигров» и «драконов». А ведь прошло более полувека. Это пример очень мощного инновационного прорыва. Можно, конечно, считать, что дело в политическом конвенционализме, договоренности о нераспространении. Так ведь и в экономике действуют такие же конвенции, только неписаные. Вы можете себе представить возникновение сейчас индийского интела или арабского сименса? Нет. Просто потому что уже есть Intel и Siemens. Поэтому вырваться вперед можно, только предложив миру нечто совершенно новое и необыкновенное. И конкуренция в ее классическом понимании как улучшение аналогичного здесь остается за кадром. В этом и задача инноваций, как она ставится сейчас в России.

Почему у нас не могут возникнуть подобные технологические цепочки?

Ответ в слове «подобные». Раз сейчас нет — значит, уже не появятся. Их появление с точки зрения развития уже не имеет смысла. Имеет смысл создавать новые технологические цепочки, возможно, на базе нового технологического и экономического уклада.

Хорошо. Решили развивать инновации. Даже даем на это немалые деньги. Почему же у нас «не идут» инновации?

Ну, в области развития инновационного предпринимательства у нас делаются шаги вполне конкретные. Правильно, широким фронтом заходим — через студентов, детей, развиваем инновационную активность, мотивируем к инновациям.

Но в целом буксуем, на мой взгляд, потому что нет понимания, какие инновации нам нужны и зачем. Нет понимания природы инновационных процессов, нет системы и глубины подхода. Всем ли нужны инновации, всем ли быть инновационными, во всех ли регионах так уж необходимо строить инновационные системы — эти вопросы всерьез не обсуждаются. Хотя сами знаем, что, говоря образно, объемная доля инноваций в нормальном обществе — 5%. Хорошо. Приняли за аксиому, что инновации нужны и нужны всякие, какие есть или могут быть. Что мы делаем дальше? А дальше мы начинаем искать проекты. Сейчас это делают все, кто имеет хоть какое-то отношение к инновациям: федеральные ведомства, госкорпорации, частный бизнес. Инновации в нашей сегодняшней транскрипции — это проекты. Все. Это сейчас основная единица измерений инноваций. А проектов все меньше и меньше. Толковых же среди них — раз, два и обчелся. На это вам посетует любой потенциальный инвестор или эксперт в области инноваций.

Напрашивается аналогия с продразверсткой в России времен Первой мировой и Гражданской войн. Только у нас теперь военный капитализм, а продуктом служат инновации. В этом, может, и нет ничего плохого — не от хорошей жизни до и после революции занимались продразверсткой. Но важно понимать, что продразверстка — это крайний инструмент, применяемый с конкретной задачей. Продразверстка в период Первой мировой диктовалась военными условиями и носила временный характер. Продразверстка после революции, помимо того что также была явлением военного времени, предваряла формирование новых институтов села. На смену одному укладу сельской жизни уготован был другой, и продразверстка являлась в том числе инструментом принуждения к новому укладу. И в том, и в другом случае необходимость продразверстки была обусловлена задачей накормить фронт и население. Инновационная продразверстка не имеет задачи обеспечить экономику инновациями (более того, они нашей экономике и не нужны, нет на них спроса). Сегодня в России собирательство инновационных проектов не имеет временной границы, ничего не предваряет и никого ни к чему не принуждает. Правда, никого и не расстреливают за укрытие излишков.

То, что проект — это не единица измерения инноваций, а результат действия в длительной перспективе большого количества факторов, которые сознательно следует сложить так, а не иначе, что это результат кропотливой работы сотен очень неглупых и правильных людей, что за любым мало-мальски толковым проектом, как правило, стоят научные школы, традиции, культура, — это выпадает из сферы нашего внимания. Видимо, занятие этим не дает стремительного эффекта. А вот это как раз всем в России понятно. Зачем и почему нужна быстрая отдача — знают все. И мы возвращаемся к тому, с чего начали, — в обществе нет понимания, чего мы вообще хотим, когда говорим о том, что нам нужны инновации.

И нашу власть в ее несколько судорожных попытках делать инновации понять можно. Элита не может не видеть критическую важность инноваций для современной России (отсюда политические призывы и начинания), при том что для подавляющего большинства представителей этой самой сегодняшней политической элиты сфера инноваций абсолютно не понятна и не близка. Отсюда — общая растерянность и пробуксовка.

Могу предложить более оптимистичную формулировку ответа на ваш вопрос: инновации не идут потому, что ими пока и не занимаются.

Почему деятельность по развитию инновационной активности не может стать тем локомотивом, который, условно говоря, вытаскивает инновации?

В буквальном смысле слова он и вытаскивает. Но вот в чем беда. Мне со всех сторон говорят — давай инновации! При этом мне задают систему стимулов, при которой вопрос — а кому давать инновации — становится ненужным, почти риторическим. Ведь стимул по существу один — деньги. Или в прямом виде (грант, инвестиции, покупка), или в опосредованном (рынок, продажи, прибыль). Так ведь при такой системе я дам инновации тому, кто мне быстрее и больше заплатит. Пусть и купит с потрохами, но потроха мои будут в комфорте, и детям моим еще останется. Я говорю вот о чем. В той системе координат, в которой нам сейчас приходится действовать, в которой мотивация инноваций сугубо денежная, наше правительство и в итоге наша страна ощутимо проигрывают конкурирующим конторам.

Поколение инноваторов, кому за сорок, так или иначе, готовы терпеть или имеют выработанную еще в советское время способность потерпеть (хотя и этот ресурс практически выработан). Но как вы объясните сегодняшнему молодому, подающему надежды выпускнику, почему он должен «давать» (пусть и в транскрипции «продавать») инновации своей стране? И что значит своей? В результате получается, мы, как matka, по старой традиции готовим кадры, развиваем и стимулируем инновационную активность молодежи — и что? Молодежь уже с первых курсов понимает — надо прорываться туда, где условия для реализации и роста лучше. Где нормально платят. Где есть нормальная приборная база. Где есть огромное количество высококлассных

специалистов (в том числе из нашей диаспоры). Студенты с первых курсов участвуют в программах западных ТНК, и к пятому курсу выбор для них уже довольно очевиден. Можно не уезжать (на это не все способны), но кем и где они постараются устроиться работать — к гадалке можно не ходить. Получается, готовим, растим, стимулируем — и все уходит. И если возвращается, то зачастую в виде готового продукта и еще раз за деньги. То есть платим за обучение, за исследование, инфраструктуру, то есть «сырье» для инноваций — и платим еще и за продукт этих самых инноваций. При существующей системе стимулов к инновациям и фактического отсутствия спроса на них внутри страны все, что мы будем создавать в инновационной сфере — идеи, технологии, кадры, — будет встраиваться в технологические и экономические цепочки наиболее развитых и доминирующих социально-экономических систем, имеющих связь с Россией как с сырьевой базой.

У нас нет развитых институтов и механизмов занятости молодых инновационно активных людей. Старые институты частью непригодны (например, в образовании, в Академии наук), частью разрушены (отраслевая наука). Новые институты за последнее время не созданы. Отдельные обратные примеры лишь оттеняют мрачную картину.

У нас нет устойчивого спроса на инновации не только со стороны бизнеса (это стало уже общим местом), но и со стороны государства. Бюджеты на науку, и без того небольшие, в следующем году вновь сокращаются.

В этих условиях мы остаемся поставщиком инноваций кому угодно, только не самим себе. У нас сейчас идет колоссальный процесс вымывания идей, проектов, кадров. Можно, конечно, радоваться за нашу диаспору, но не очень хочется задумываться о том, к чему в конечном итоге это может привести.

Может, локомотивом инноваций станут институты?

Мне кажется, я повторяюсь, но здесь вначале необходимо определиться — какого типа инновации мы хотим получить, что важнее сейчас, условно говоря, — шумпеттеррианские предприниматели или физики-ядерщики. Если речь идет о первом, то прежде всего необходимы институты, обеспечивающие свободную конкуренцию, защиту интеллектуальной собственности, правовое поле. Но на развитие такого типа инноваций у нас просто нет времени. Нас сомнут. Сначала технологически (что уже стремительно происходит), потом экономически.

Деятельность, условно говоря, физиков-ядерщиков обеспечивается преимущественно институциями еще советской инновационной системы, созданной главным образом под инновационные прорывы. Ресурс этих институтов не безграничен. Их надо или модернизировать, или менять. Главный вопрос — что придет им на смену? Вот предлагают упразднить Академию наук. Бесспорно, академия переживает не лучшие свои времена. Но уберем ее — что ее сменит? Госкорпорация «Наука»? Ну, построим современный центр, соберем туда несколько сотен именитых ученых, пригласим из-за границы людей. Что

дальше? Сколько времени нужно, чтобы этот центр стал институтом? Пять? Десять? Двадцать лет?

У нас, когда говорят об институтах применительно к инновациям, подразумевают почти всегда особые зоны, технопарки, организации инфраструктуры и т.д. Это очень хорошо, это действительно нужно. Но понимаете, в строгом смысле слова все это институтами не является. И вопрос даже не в том, что в технопарках торгуют сигаретами, а в зонах минимизируют налоги компании, не имеющие отношения к инновациям. Проблема глубже. Технопарк может стать институтом со временем и при определенных условиях. Это случится тогда, когда компании, арендующие площади, образуют некий исследовательский центр, и вокруг него вырастет сеть студенческих и преподавательских кампусов, или в его стенах возникнет научная школа, или кто-то из выдающихся ученых будет в его стенах ежегодно читать курс лекций. То есть произойдет то, что и делает здание или даже просто территорию институтом, как, например, это произошло в Силиконовой долине, — возникнут люди. Ведь институт — это прежде всего люди, а потом стены, структура и т.п. Только в этом смысле можно говорить, что наличие инновационных институтов стимулирует (но опять же — не создает автоматически!) инновации.

У нас же, по-моему, до сих пор считается, что надо создать институты (в смысле построить технопарки), и инновации у нас в кармане. Создали. В кармане пусто. Вот и получается, что и условий свободной конкуренции обеспечить не можем, и институтов для инновационного прорыва в чистом виде не создаем.

В этих условиях большую роль в деле обеспечения коммуникации инновационного общества с властью, экспертами и промышленностью, а также саморегулирования инновационных процессов играют неформальные и, как правило, негосударственные институты — выставки, форумы, салоны, конкурсы и т.д. Я в прошлом году принимал участие в Конкурсе русских инноваций[2]. Прошел во второй тур. Что я имею? Не деньги и даже не PR как таковой (я не стал победителем, соответственно, статьи про меня не писали). Но для меня это продвижение. Это то, о чем мы с вами говорили в самом начале, — инноватору нужно понимать, кому и для чего нужно то, что он делает. А еще понимать, что и как он на самом деле делает. На эти вопросы помогают ответить эксперты конкурса, когда смотрят проекты. Для инноваторов конкурс — это как конференция для ученых. Это возможность проверки того, чем ты занимаешься, источник опыта, идей, связей.

Что делать?

Знаете, лет пять назад общим рефреном у инноваторов звучало — не мешать. Сейчас я так не скажу. Масштабы деградации в инновационной сфере сильно выросли, и, очевидно, нужно наваливаться, как говорится, всем миром. Нужно очень сильно напрягаться и очень многих напрягать. Необходимо изыскивать средства на инновацию / модернизацию. Необходимо кого-то чего-то лишать. Это всегда были непростые вопросы.

В свете этого первое, что нужно сделать, на мой взгляд, и самое важное — определиться, для чего и, соответственно, какие нам нужны инновации. Во имя чего нужна концентрация усилий и ресурсов? На какие жертвы мы готовы и нам следует идти? Кто должен быть субъектом этих инноваций — предприниматель или ученый, ООО или Госкорпорация? Инновации — это инструмент. Равно как и модернизация (в современном политическом лексиконе уже практически произошла подмена слова «инновации» словом «модернизация», не в последнюю очередь потому, что так и не разобрались, что же такое инновации и что с ними делать, а времени разбираться, чувствуется, уже нет). Инструменты чего? Об этом ни слова в программных заявлениях. Конечно, говорится о конкуренции, о качестве жизни, о безопасности и даже о суверенитете. Но это все не похоже на вызовы, ради которых стоит напрягать страну, идти на жертвы. Про конкуренцию мы уже говорили. Качество жизни для нас пока сугубо потребительская категория, не производственная, мы хотим его иметь, но никак не усиленно работать для этого. Безопасность, суверенитет — да, это серьезно. В мире и, в частности, применительно к нам очень беспокойно. Но об этом у нас пока тревогу не бьют. Мы пока еще на стадии дискуссии по поводу того, а что же такое суверенитет, как он соотносится с демократией и т.д. В нашей военной доктрине нет указания на врагов, и официально нам никто не угрожает.

Допустим, инновации нужны для того, чтобы не было техногенных катастроф. Не очень понятно. Катастрофы все равно будут, и в самых развитых, инновационных странах они случаются, более того, чем выше уровень развития технологий, тем страшнее могут быть последствия их сбоя. Да и не нужны тут особо инновации. Нужны квалифицированные рабочие и инженеры, нужна система ПТУ, ФЗУ и т.д.

Получается, что у нас, у тех, кто делает инновации, как бы и нет серьезных вызовов. Кроме сугубо начальственных («даешь инновации!»). Ну и денег заработать, конечно, что в нашей стране вызовом уж точно никак не является.

При том что проблема очень серьезная, многое делается как-то компанийски, что ли. Вот как в 80-е прочитали наши младореформаторы дюжину-другую книжек о рыночной экономике — и пошло-поехало, так и теперь: посмотрели по миру разные инновации и красивые штучки, послушали экспертов и советников — и вот инновации. Так в 80-е хоть что говорили, то и делали. Приватизация — всем ваучеры, денежная реформа — все без денег (старых). А сейчас «инновации!» — и непонятно: что, кому, зачем.

Второе. Мы стимулируем молодежную инновационную активность, но ничего не делаем для того, чтобы молодежь творила здесь. Приглашаем диаспору, а своих молодых ученых держим на зарплате 10–15 тыс. рублей. Нет системного подхода к развитию инноваций. Похоже, его нет не только на деле, но и в представлениях властной элиты. Вот я стойко не могу отделаться от ощущения, что у нашей властной элиты (включая ее инновационное крыло) до сих пор подход по типу «кривая вывезет».

Третье. Никто, и я в том числе, не спорит против того, что инновации — продукт долгой, кропотливой работы, это плод образования, возвращения особой культуры, настройки среды и т.д. В общем, за один или два года не появляются.

Но там, где нет времени растить культуру, должна работать идеология.

Нужна идеологизация инновационной сферы. И не следует этого бояться. В том, что в Америке все в порядке с капитализмом и предпринимательством, большая заслуга «особого духа» американских колонистов, сочетающего в себе свободолобие и предприимчивость. Это уже общее место в рассуждениях про Соединенные Штаты. В компании 3М, выстроившей образцовую корпоративную инновационную систему, на вопрос об истоках инновационного подхода руководство говорит о взаимовыручке и приводит в пример фермеров Миннесоты (штаб-квартира компании), помогающих друг другу грузить мешки с зерном на подводу. В России бурное развитие естественных наук в послереволюционный период, по мнению историка науки Лорена Р. Грэхэма, было обусловлено в том числе широким распространением в российском обществе материалистического мировоззрения.

Инновации вообще очень сильно завязаны на идеологию. Инновациями всегда занимаются первые лица, будь это страна или компания. Только они принимают решения о том, каким быть или не быть будущему.

Инновации не совсем экономическая категория, поскольку не совсем рациональная. Инновации — это бунт, как выразился в своей лекции один из вполне рациональных и уважаемых экспертов на Открытом инновационном университете летом на Селигере-2009.

Инновации плоть от плоти познания. А это, в свою очередь, почти первичная потребность человека после еды, его первый атрибут. И странно как-то призывать к инновациям без обращения к этой части существа человека.

Инновационная сфера жизненно нуждается в ценностных мотивациях. Сейчас же сфера инноваций в России предельно деидеологизирована. Задействована исключительно одна мотивация — денежная. Зато с этой мотивацией у нас все в порядке: инновации в песок (кому надо, подберут), нефть на продажу, что мы сейчас большей частью и наблюдаем.

Чтобы переломить ситуацию, нужна прежде всего сильная политическая воля и механизм ее реализации. Инновации в нашей стране сегодня — это политический вопрос. И политический ресурс. Так сложилось. Поэтому решить вопрос развития инноваций в плоскости только экономической (финансовой) парадигмы, как мы это сейчас пытаемся делать, не удастся.

Последний вопрос, несколько провокационный. Пять лет назад об инновациях знали и говорили только посвященные. Сегодня эта тема занимает верхние строчки рейтинга государственных задач. Что будет после инноваций?

После инноваций будут дети и территории. Если останутся.

---

[1] КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России. Создана в ходе Первой мировой войны в 1915 г. при Академии наук для изучения природных ресурсов страны. В первые годы советской власти отделы КЕПС реорганизованы в научные учреждения, ставшие основой сети научных институтов АН СССР. Экспедициями КЕПС созданы базы АН СССР на местах. В 1930 г. КЕПС преобразована в Совет по изучению производительных сил.

[2] Конкурс русских инноваций — конкурс инновационных проектов, организованный медиахолдингом «Эксперт» в 2001 г. Проводится ежегодно. На конкурс принимаются инновационные проекты из всех областей науки, техники и технологий. Проекты разделены на четыре номинации, соответствующие стадиям жизненного цикла инновации: «белая книга», «перспективный проект», «инновационный проект», «история успеха». За 8 лет на конкурс поступило свыше 3500 проектов.